

добилась Молоху-автомату, для которого нет «ничего святого». С возрастанием в обществе доли личных свобод и самостоятельности изменяется и методология науки — предмет мыслится по подобию человеческой самостоятельности. В естествознании, математике, пишет В. С. Библер, поставлена под вопрос «всеобщность классического предмета (и субъекта) — «точки действия на другое». В современном мышлении возникает идея радикально нового предмета и субъекта теоретического познания. Это — «идея предмета как “causa sui”, «идея движения как самодействия, самостоятельности» [7, 191]. За различными методологиями всегда скрывается исторически определенная социальность.

1. Маркс К. Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. М., 1974. Т. 42.
2. Там же. М., 1968. Т. 46, ч. 1.
3. Ильенков Э. В. Диалектическая логика: Очерки истории и теории. М., 1984.
4. Ильин И. А. Аксиомы религиозного опыта: В 2 т. М., 1993. Т. 1.
5. Маркс К. Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. М., 1955. Т. 3.
6. Там же. М., 1969. Т. 46, ч. 2.
7. Библер В. С. Мышление как творчество. М., 1975.

Н. В. Бряник
г. Екатеринбург

ЖИЗНЕННЫЙ МИР И МИР НАУКИ В ГУССЕРЛЕВСКОЙ ФЕНОМЕНОЛОГИИ

Рассмотрение заявленной темы начнем с оценки, которая, как нам представляется, отражает достаточно устойчивое мнение современных отечественных философов о том, является ли гуссерлевская феноменология особой философией науки. В хрестоматии по современной философии науки отмечается, что «восходящая к Э. Гуссерлю феноменология до сих пор присутствовала в философии науки в виде «теневого кабинета»... Современная философия науки до сих пор испытывала воздействие феноменологии не в большей мере, чем какого-либо другого течения гуманитарной философской мысли, во всяком случае не в более, чем восходящей к Дильтею герменевтики»¹. В данной оценке выражена определенная позиция в понимании философии науки. Из нее следует, что философию науки представляют только те направления мысли, которые модны и востребованы философствующей публикой в тот или иной период времени. А поскольку в философии науки долгое время господствовала позитивистская традиция, то появ-

ляется соблазн отождествить философию науки с позитивистским подходом, в котором аксиологические аспекты науки сознательно исключались. Мне представляется, что гуссерлевские представления о науке отвечают духу новейших исследований в области философии науки, которые активно включают ценностные факторы в само существо научной деятельности и ее результатов. Причем, для данного мыслителя характерно масштабное развертывание данной тематики. Наиболее яркое выражение аксиологическая проблематика в творчестве Гуссерля находит в теме соотношения жизненного мира и мира науки. Он проявляет глубокие познания не только в области собственно строгих и точных наук — математике, логике и математическом естествознании, но и в психологии — ее истории и современном состоянии, науках о духе. Реже он привлекает конкретику таких областей знания, как химия, биология, география, некоторые технические науки. Нет сомнения, что он блестяще знаком с философией — историей и ее современным состоянием. Те оценки науки, которые мы встречаем у Э. Гуссерля, выдают в нем неординарного мыслителя. Для раскрытия ситуации современной ему науки он задает контекст истории европейского человечества и пытается понять, насколько те изменения, которые происходят в науке, отвечают самой «телеологии европейской истории». При подобной масштабности ему удастся оставаться в условиях реальности: он учитывает дискуссии по поводу науки в современной ему философии, он чуток к умонастроению образованных кругов, которые прошли через горнило первой Мировой войны и поэтому весьма своеобразно реагируют на видимые достижения науки, он прекрасно осведомлен об отношении к философским оценкам науки и корпоративных установках в среде самой научной интеллигенции.

Э. Гуссерль дает емкую и неоднозначную оценку событиям современной ему науки. Мыслитель отмечает: «исходным пунктом является сдвиг, произошедший в последние столетия, во всеобщей оценке науки. Он... относится к тому значению, которое наука имеет и может иметь вообще для человеческого существования. Исключительное — таков эпитет, характеризующий, начиная со второй половины XIX в., влияние позитивных наук на мировоззрение современного человека. Это завораживающее влияние растет вместе с «благополучием», зависящим от позитивных наук»². В этом патетическом утверждении, тем не менее, все точно: фиксируется кардинальное изменение роли науки, достигающее до трансформации ее миссии в условиях человеческого существования, что отражается в сознании людей признанием исключи-

тельности науки; при этом под наукой понимаются позитивные науки, которые имеют прямой выход к реальности — позитивные науки находят непосредственное практическое применение, сказывающееся вплоть до повседневной жизни людей. К этому же кругу суждений можно отнести и следующее, лишь усиливающее и конкретизирующее отмеченное: «математическое естествознание — это чудесная техника, ведущая к выводам такой силы, такой правдоподобности, детальности и точности, о которой прежде нельзя было и помыслить. Это достижение — триумф человеческого духа»³. Позитивные науки произрастают на почве математического естествознания, которое в концентрированном виде являет собой строгость и точность, а только эти свойства науки и позволяют ей претворяться в реальность. Наряду с техникой, он называет науку чудом современного мира. И называет свое время «временем строгих наук, ставших объективно могучей силой»⁴. Так происходит потому, что религиозная вера сменилась верой только в реальность (по-моему, эта вера сохраняет свое значение и в наши дни, отсюда напористое потеснение духовности прагматизмом), а ее способна удовлетворить только наука, поскольку она и есть самая наипрочнейшей реальность. И все-таки здесь достаточно односторонне воспроизведена его позиция в отношении к современной ему науке. Другой круг его суждений заявляет о кризисе науки. В самом факте признания кризиса науки рубежа XIX—XX веков Э. Гуссерль не оригинален — подлинный интерес вызывает то, как он трактует это состояние. В осмыслении кризиса он столь же глубок и масштабен, сколь и в объяснении мировых достижений науки. Во-первых, философ идентифицирует его с кризисом именно *европейских* наук и, во-вторых, рассматривает эту ситуацию в контексте кризиса всей современной ему европейской культуры. Знакомство с текстами философа не позволяет однозначно судить, является ли кризис негативным для науки событием.

Последуем за его аргументами. Он намеренно заостряет вопрос, формулируя его таким образом: «Действительно ли существует кризис наук при всех их постоянных достижениях?»⁵ И начинает он с выяснения смысла понятия кризиса: «Кризис какой-то науки означает, что ставится ... под сомнение ее подлинная научность, весь ее способ постановки задач и методология»⁶. Если так, то вправе ли мы рассуждать о кризисе позитивных наук, в первую очередь, математического естествознания, представляющего собой стержень позитивных наук, строгость которого принимается за образец научности, а результаты не перестают восхищать своим успешным применением в практике. Ответ, казалось бы, очевиден.

Подобный же вопрос правомерно поставить и в отношении, так называемых, наук о духе. И здесь мы, скорее всего, получим ответ об эффективном и продуктивном развитии в интересующий период комплекса гуманитарных наук, которые опираются на психологию, а она, в свою очередь, развивается с опорой на методы строгого анализа, уподобляясь позитивным наукам. Ответ самого Э. Гуссерля неожиданен, поскольку переводит проблему в иную, непривычную плоскость рассуждений. Да, видимыми проявлениями кризиса стал подрыв новыми открытиями в области физики, математики и других наук устоявшихся теорий, но это лишь поверхностный эффект событий. Он предлагает заглянуть в глубь происходящего — ведь нельзя измерять науку только по масштабу ее практических успехов. Самое важное и существенное основание — оценка ее жизненной значимости. Он считает, что современная ему наука утратила именно свое жизненное значение. В этом видит он суть кризиса, потрясающего сам смысл науки. Приведем одну из характерных его рассуждений, подтверждающих данную оценку: «Наука, понятая лишь как эмпирическая наука, формирует эмпирически-ориентированных людей. Переворот в общественной оценке науки был неизбежен; особенно после окончания мировой войны. Как известно, молодое поколение прониклось прямо-таки враждебным отношением. Наука — и это постоянно можно слышать — ничего не может сказать нам о наших жизненных пуждах. Она в принципе исключает вопросы, наиболее животрепещущие для человека..., а именно вопросы о смысле или бессмысленности всего человеческого существования... Что может сказать наука о разуме или неразумии, о человеке как субъекте свободы? Физическая наука, разумеется, ничего... Что же касается наук о духе... то они, как полагают, в соответствии с нормами строгой научности, требуют от исследователя исключения всех ценностных установок... Научная, объективная истина состоит исключительно в констатации фактичности мира, как физического, так и духовного. Но может ли мир и человеческое существование обладать истинным смыслом в этом мире фактичности?..»⁷

Без некоторых пояснений оценка Э. Гуссерля может быть воспринята не более, чем красивый жест. Обратимся к ним. Для него такой уникальный феномен, как наука, зарождается в истоках древнегреческой культуры. Она появляется в неотрывной связи с философией: античная наука и философия — это некое слитное единство, представляющее по своей сути особое теоретическое отношение к миру. Научно-философское (=теоретическое) отношение к миру революционизирует жизнь древнегреческого народа и

закладывает основы уникальности всей европейской культуры. Теоретическое отношение к миру позволяет критично воспринимать все происходящее, пропускать все события через жернова разума, ориентированного на надсубъективную истину. *Теоретически ориентированная наука* за счет ее близости к философии, неотделимости от нее, способна была ставить предельные вопросы бытия, связанные со смыслом человеческого существования. Эта наука являла собой особый тип рациональности, который оказался подорванным в условиях нового и новейшего времени. Теоретическая установка науки, понятая в этом смысле, оказалась излишеством — для получения практически значимого знания достаточно эмпирически ориентированной науки, поскольку только она способна поддерживать веру в реальность. В XVII и XVIII столетиях этот тип науки набирал силу, а уже во второй половине XIX века новый тип научной рациональности дал свои пышные плоды — практическая жизнь европейского общества оказалась полностью зависимой от эмпирической (=позитивной) науки. Поэтому пересмотр одних конкретных теорий (к примеру, механики Ньютона), замена их другими (такими как теория относительности Эйнштейна) — это все внутренние дела уже радикально изменившейся науки. Вот чем объясняется увязка Э. Гуссерлем кризиса науки с «эмпирически ориентированными людьми» и «фактичностью мира». Кризис науки для него — это кризис того типа рациональности науки, а вместе с ней и рациональности всей европейской культуры, который сложился в новое время. Конечно, «эмпирически ориентированные люди», которые изо дня в день, как муравьи, добывают факты (подобное отношение к науке Э. Гуссерль называет «научным фанатизмом»), не принимают рассуждения мыслителя, как чуждые и непонятные. Люди науки, как правило, и кризис-то в ней не замечают. А поскольку он еще предъявляет им какие-то обвинения и требования, то и они не остаются в долгу — у них тоже есть свои идеологи, которые устами, например, Р. Карнапа называют философию Э. Гуссерля «ненаучной метафизикой». Действительно, без учета сказанного, почти как загадка, звучит гуссерлевская мысль: «Однако предпосылкой этого понимания (понимания кризиса науки. — Н. Б.) должно стать усмотрение феномена «Европа» в его центральном, сущностном ядре»⁸. Поэтому для него кризис науки означает не крушение европейского рационализма, а серьезный сбой одной из его разновидностей — новоевропейской рациональности. В образной форме свою позицию он заявляет так: «Есть два выхода из кризиса европейского существования: закат Европы в отчуждении ее рационального жизненного

смысла, ненависть к духу и впадение в варварство, или же возрождение Европы в духе философии благодаря окончательно преодолевающему натурализм героизму разума»⁹. В этой фразе все определено. Резкое несогласие с иррационально-мистическими умонастроениями интеллигенции, ярким выразителем которых, по его мнению, является О. Шпенглер, поскольку использованы слова из названия его весьма шумевшего сочинения («Закат Европы»). Почему в возрождении европейского рационализма должна сыграть свою роль философия — тоже понятно: как мы уже упоминали, она непосредственно связана с ее (европейской рациональностью) зарождением. «Героизм разума» вполне уместен, когда речь идет о духе европейского *рационализма*. А вот в каком смысле надо понимать натурализм и почему его надо преодолевать, — об этом разговор пойдет далее.

Обратимся к гуссерлевской идее жизненного мира. Надо сказать, что поскольку для него жизненный мир интересен не сам по себе, а в его соотношении с наукой, то характеристики *жизненного мира* и пойдут в соположении с *миром науки*. Итак, жизненный мир для него — это окружающий мир, он вненаучен и преднаучен. Он наделен действительными пространственно-временными формами, а не теми, которые описываются в геометрии и вообще в математике. В нем расположены вещи и тела земного (реки, горы, здания, люди и все остальное, имеющее определенные формы, занимающее конкретные места и положения) и астрономического мира. Все входящее в жизненный мир обладает способностью меняться. Происходящие в каждый данный момент изменения имеют на то свои причины, причем изменения происходят не произвольно и случайно, а в определенной зависимости друг от друга, о чем свидетельствует повседневный опыт людей: «Вещи чувственно воспринимаемого мира (всегда воспринимаемые так, как они воспринимаются в нашей повседневной жизни и оцениваемые нами как некая действительность) обладают... «привычностью», сохраняясь в типичных, схожих друг с другом обстоятельствах. Если взять чувственно воспринимаемый мир в целом, лишь в его изменчивой данности, то он как целое обладает своей «привычностью», а именно быть столь же привычным сегодня, каким привычным он был вчера»¹⁰. Поскольку это *жизненный мир*, то он включает в себя и людей с их повседневной практикой существования в этом мире — реальной практикой, технической практикой, практикой созидания всех форм культуры (жилья, питания, обработки земли, оздоровления и пр.). В чувственном опыте людей окружающий мир обладает не только действительными пространственно-временны-

ми формами, но и такими специфическими качествами, как цвет, звук, запах, тепло и т. п., которые имеют бесконечную шкалу степеней изменчивости. Пребывание человека в мире вырабатывает у него опыт его непосредственного восприятия, начиная от первичных созерцаний, включая привычки и ожидания, что все должно происходить так, как оно и было, а если меняться, то так, как оно изменялось раньше.

Что еще важно в гуссерлевском описании жизненного мира, так это следующая его характеристика, которая обнаруживает настоятельную необходимость обращения к миру науки: «Донаучный мир дан в повседневном, чувственном опыте. Он субъективен, релятивен. Каждый из нас имеет специфический круг явлений, с которыми он сталкивается, и каждый из нас по-разному их оценивает как нечто сущее. В процессе общения мы обращаем внимание на разноречивость в оценках, не допуская мысли о том, что существует множество миров. Мы же полагаем, что мир — один, а различны лишь явления»¹¹. Итак, жизненный мир, поскольку он создается каждым пребывающим в нем, субъективен, приближителен, релятивен, да еще и наивен в силу глубокого чувства уверенности каждого только в своей правоте. Если бы только к этому сводился весь опыт человеческого постижения мира, то уверенность в том, что он именно таков, каким каждый из нас его воспринимает, превратила бы человеческое сосуществование в сумасшедший дом. Почему этого не происходит? Да потому что жизненный мир порождает средство, способное нейтрализовать столь серьезные огрехи и недостатки человеческого существования в нем. И этим средством является наука.

Э. Гуссерль обращается к истокам возникновения европейской науки и показывает, что возникшая в ответ на потребности практики землемерия геодезия, вырабатывая стандарты, меры и механизмы измерения, постепенно трансформируется в совершенный мир геометрии: «*эмпирическая геодезия* и ее эмпирически-практические объективирующие функции по мере преобразования практических интересов в *чисто теоретические* интересы стала идеализированной геометрией и вместе с этим оказалась пронизанной *чисто геометрическим способом мысли*. Итак, геодезия подготовила универсальную геометрию и ее «мир» чистых предельных форм»¹². Царство геометрической мысли наполнено чистыми, идеальными сущностями, предельными формами — прямыми линиями, отрезками и окружностями, углами и треугольниками, многоугольниками и многогранниками, которые строго и однозначно связаны между собой, а все их изменения и трансформации производятся

согласно определенным правилам и теоремам. Математика — это гуссерлевская стихия (мы уже писали об этом), поэтому он весьма убедительно показывает, что, с одной стороны, она возникала из философского устремления древнегреческой культуры на постижение подлинного бытия, когда реальное воспринималось как отблеск; как копия идеального, а с другой — математика появляется как ответ на запросы практической жизни. Э. Гуссерль постоянно подчеркивает, что в своих истоках наука и философия (как поиск истинно сущего) неотрывны, и все специальные науки являются ответвлениями философии. Ведь главное отличие научной (идеальной) практики от реальной в том и состоит, что она способна сознательно и систематически достигать объективности (подлинности) в знаниях о мире. Он располагает убедительными основаниями для сравнения такого рода: «В... математической практике мы достигаем того, что недостижимо в эмпирической практике, — «точности»; ведь для идеальных форм существует возможность *определения их в абсолютной идентичности*... Идеализация может создавать чистые идеальные сущности... обладающие объективной и однозначной определенностью»¹³. Объективность, однозначность и точность, свойственная идеальным сущностям и всему тому, что создано из них, позволяют преодолеть субъективность и релятивизм непосредственного опыта, достичь единства понимания разными субъектами — а значит, безотносительности (абсолютности) истины. Будучи закрепленными в языке, истины геометрии приобретают интерсубъективный характер, что позволяет не только передавать их от геометра к геометру в текущем времени, но и транслировать от одного поколения к другому. Но при этом каждому данному поколению нет нужды воспроизводить заново весь путь, пройденный геометрией: полагаясь на своих предшественников, можно конструктивно использовать их достижения в собственной деятельности, одновременно прибавляя к ним новые идеальные формы и предметности (подобно тому, как в материальной практике никто не создает каждый раз заново сверла, клещи и т. п., когда возникают ситуации, вызывающие необходимость воспользоваться данными инструментами). Но, кроме того, транслируется и сама установка на то, что можно, оперируя чистыми идеальными предметностями, прилагать результаты подобных операций к сфере реальной практики и при этом получать желаемое и ожидаемое: «математика, вступающая в контакт с искусством измерения и руководящая им, нисходя от мира идеальных сущностей к эмпирически созерцаемому миру, показывает, что ... *идеальная геометрия, отчужденная от мира*, становится «при-

кладной» и вместе с тем в известном смысле всеобщим методом познания реальности»¹⁴. Галилей, как достойный потомок математиков и геометров, хорошо уяснил себе принцип данной установки: «относительно высокий уровень геометрии ... был для Галилея тем традиционным способом мысли, который позволил соотнести эмпирию и предельные математические идеи»¹⁵, другими словами, мир вещей с миром абстракций.

При этом сам он делает следующий шаг в заданном направлении. Если математика (взятая во всей полноте ее идеальных предметностей) идеализирует *пространственно-временные формы* реальной действительности, да так, что позволяет достичь их объективного представления, а потому имеет и прикладное значение, то нельзя ли найти подобный же способ объективации других многообразных свойств и отношений окружающего мира? — именно таким вопросом, по мнению Э. Гуссерля, должен был задаться Галилей. Выясняя мотивацию галилеевских открытий, он ставит от его имени вопросы: «Нельзя ли допустить существование чего-то подобного и для *конкретного мира как такового?*... Возможно ли, что с помощью методов измерения, процедур аппроксимации (приближения. — Н. Б.) и конструктивных определений охватываются все реальные свойства и каузальные связи созерцаемого реального мира, опытно исследуемого во всех аспектах (подчеркнуто мною. — Н. Б.)?»¹⁶ Положительный ответ на все эти вопросы (а именно такова позиция Галилея) свидетельствует, что, помимо математики (вкуче с геометрией), наукой, несущей объективные знания, применимые на практике, становится физика. Галилей обнаруживает, что многообразные свойства реального мира, делающие его таким живым и привлекательным — цвета, запахи, звуки, веса и многое другое — являются реальным воплощением некоего идеализированного мира форм. И он приходит к выводу, что «все специфически чувственные качества — это лишь индикаторы, указывающие на определенную констелляцию фигур и процессов, присущих сфере форм»¹⁷. То, что во времена Галилея казалось лишь выдумкой и фантазией, сегодня известно даже школьнику, который знает о зависимости цвета от колебания электромагнитных волн, звуков — от колебания звуковых волн, тепловых эффектов — от неупорядоченного движения частиц, массы — от силы притяжения Земли и т. д. Оказывается, что каждое конкретное качество, свойство или отношение обусловлены некими причинами и, благодаря этому, могут быть рассчитаны и измерены с достаточно высокой степенью точности: «универсальная идеализованная причинность охватывает все фактические формы и

полноту качеств в их идеальной бесконечности»¹⁸. При этом находятся способы учитывать полноту каждого из качеств, диапазон их вариаций (возьмите, к примеру, только цветовой спектр, где даже каждый из цветов дает невообразимое многообразие оттенков; шкала силы звука, разнообразие весовых мер и т. п.). В ходе исследования разнообразия и полноты специфических качеств, реальных свойств и причинно-следственных связей в математике разрабатывается идея экстенсивной и интенсивной бесконечности. Указанные исследования проводятся с помощью математических формул, через установление функциональных зависимостей, когда можно по каждому заданному состоянию определить прошлое и предрассчитать будущее, тем самым, «математизация, реализующаяся в формулах, оказывается процедурой, решающей для жизни»¹⁹. Именно таким образом современная Галилею математика позволяла открывать и объективировать законы реального мира. Итак, жизненный мир уже не только в своих пространственно-временных характеристиках, но и во всей своей красочной полноте и конкретике превращен в некую объективную данность. Математический способ мышления, конструирующий с помощью идеализаций объективное знание, теперь оказывается внедренным в физику. Как считает Э. Гуссерль, галилеевская концепция — это математическая физика, которая превратила донаучный жизненный мир в объективную природу. Есть все основания считать, что объективная природа есть не что иное, как реализация математики. «Бесконечная природа — этот конкретный универсум каузальности стала своеобразной прикладной математикой — таково утверждение этой странной концепции»²⁰, — вот оценка творению Галилея Э. Гуссерлем. Один из центральных фрагментов анализируемого произведения так им и назван — «Математизация природы Галилеем», где он пишет: «в высшей степени важно подчеркнуть, что уже Галилей осуществил замещение единственно реального... и данного в опыте мира — мира нашей повседневной жизни — миром идеальных сущностей, который обосновывается математически»²¹.

Галилей — знаковая для науки Нового времени фигура не только в силу отмеченных событий, с него начинается процесс утраты наукой своих смысловых оснований. Что имеет в виду Э. Гуссерль, когда говорит о том, что в этот же период происходит «выхолащивание смысла математического естествознания»? Что он понимает под «технизацией» науки? Он показывает, что постепенно научные исследования целиком и полностью сводятся к конструированию математических предметностей и поиску математических формул — метод математизации становится самодовле-

ющим, он оттесняет на задний план объект своего исследования — жизненный мир. Технизация захватывает мышление естествоисследователей и математиков, и оно опустошается: в языке формул и символов смысл запрятан наглухо, к нему попросту не пробраться. Все это усиливается и усугубляется еще и внутренними процессами математики — она активно формализуется и символизируется. Представители науки уверены, что те результаты, которые они получают и есть объективные истины, что мир таков, каким они его создают: «от Галилея берет свое начало замещение идеализованной природой природы (непосредственно) предпаучным образом созерцаемой»²². В этом Э. Гуссерль видит роковую ошибку величайшего мыслителя, за которым последовали физики нового и новейшего времени. Жизненный мир, который стимулировал выработку объективного способа мышления, оказался выброшенным из науки, он стал для нее «забытым смысловым фундаментом» (один из фрагментов его работы так и назван «Жизненный мир как забытый смысловой фундамент естествознания»). Больше того, производится подмена жизненного мира миром, сконструированным наукой. Мы думаем, что живем в объективной природе, но ведь это — всего лишь конструкция науки Нового времени, впитавшей в себя традицию античной науки. Гуссерлевское возражение звучит так: «Но природа сама по себе полностью нематематизирована и не может мыслиться как единая математическая система. Следовательно, она... не может быть выразима в некоей единой математике природы, а именно в той, которую естествознание непрерывно ищет как всеохватывающую систему законов»²³.

В таком случае, какой должна быть позиция философа и ученого в отношении науки? По мнению Э. Гуссерля, надо видеть в науке особый способ мышления, оценивать ее как высоко эффективный метод исследования жизненного мира, им порожденный, в него и претворяющийся. Другими словами, философское рассмотрение науки заставляет выйти за ее собственные пределы и задаться вопросами о смысле научной деятельности. Но на самом деле мы имеем другую ситуацию. Э. Гуссерль, конечно, имеет в виду позитивистские унастроения в отношении науки, когда он пишет: «... математик, да и ученый-естествоисследователь, будучи в лучшем случае высоко одаренным техником метода... в реальной сфере своих исследований... не постигает того, что наивысшим, наиболее важным интересом для философии и для науки является интерес к действительному познанию *самого мира, самой природы*. Это и было тем, что было утрачено традиционной наукой, ставшей техникой... отвергалась как «метафизическая» любая попытка руково-

дить этими размышлениями, исходившими из внематематического и внеестественнонаучного круга исследователей. Специалист, который посвятил свою жизнь этой науке (и это кажется ему ясным), сам лучше всего знает, что он замыслил в своей работе и то, как ему действовать»²⁴. Мы уже знаем, что именно в адрес Э. Гуссерля и его последователей раздавались обвинения в метафизичности.

Делая вывод, мы, безусловно, можем выделить отличительные признаки науки (классической и неклассической), раскрываемые феноменологией науки. Наука — это метод, достигающий с помощью идеализаций объективного представления на уровне математически выразимых законов непосредственно воспринимаемого мира, позволяющих рассчитывать прошлое и прогнозировать будущее. Но сведение феноменологического рассмотрения науки к ее признакам было бы столь сильным упрощением данного подхода, который граничит с его искажением. Вовсе не в отыскании характеристических признаков науки его суть, а в поиске смысла науки и научной деятельности. Вот поэтому феноменология науки для выяснения цели и смысловых оснований науки непременно обращается к жизненному миру.

¹ Печенкин А. А. Вводные замечания // Современная философия науки: знание, рациональность, ценности в трудах мыслителей Запада. М., 1996. С. 358 — 359.

² Гуссерль Э. Кризис европейских наук и трансцендентальная феноменология // Гуссерль Э. Философия как строгая наука. Новочеркасск, 1994. С. 53.

³ Гуссерль Э. Кризис европейского человечества и философия // Там же. С. 123.

⁴ Гуссерль Э. Философия как строгая наука // Там же. С. 166.

⁵ Гуссерль Э. Кризис европейских наук и трансцендентальная феноменология // Там же. С. 51.

⁶ Там же. С. 52.

⁷ Там же. С. 53.

⁸ Там же. С. 58.

⁹ Там же. С. 59.

¹⁰ Там же. С. 72.

¹¹ Там же. С. 66.

¹² Там же. С. 70.

¹³ Там же. С. 69.

¹⁴ Там же. С. 73.

¹⁵ Там же. С. 70.

¹⁶ Там же. С. 73 — 74.

¹⁷ Там же. С. 77 — 78.

¹⁸ Там же. С. 79.

¹⁹ Там же. С. 82.

²⁰ Там же. С. 77.

²¹ Там же. С. 86.

²² Там же. С. 87.

²³ Там же. С. 91.

²⁴ Там же. С. 92 – 93.

В. Н. Финогентов
г. Уфа

ОБРАЗОВАНИЕ И КУЛЬТУРА (О СТРАТЕГИИ РЕФОРМИРОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ СИСТЕМЫ ОБРАЗОВАНИЯ)

Трудно кратко говорить о ценности науки, о той роли, которую играет и может играть наука в жизни современного человека и общества, настолько эта роль фундаментальна и многолика. Здесь легко упустить главное, легко уйти в частности, в иллюстрации. Чтобы не упустить самое существенное, я воспользуюсь здесь очень емким понятием. Имеется в виду понятие культуuroобразующей функции науки. В сочинениях антисциентистски настроенных авторов подчеркивается, что наука либо потеряла культуuroобразующую функцию, либо вовсе ее не имела. Степень истинности этого суждения определяется тем, как понимать культуuroобразующую функцию. Если рассуждать в духе тех, кто отрывает друг от друга культуру и цивилизацию (культура, по их мнению, антропогенна, она представлена искусством, религией, философией; цивилизация, полагают они, техногенна, она представлена наукой, техникой, технологией), тогда, конечно, следует говорить лишь об опосредованном воздействии науки на культуру. Если же исходить из единства и взаимопроникновения культуры и цивилизации, то отрицать культуuroобразующую функцию науки совершенно недопустимо. Так, например, можно отрицать способность науки создавать целостное мировоззрение (мировоззрение — это фундаментальная составляющая культуры), но невозможно отрицать значимость формируемого на основе научных знаний знаниевого компонента мировоззрения современного человека. Таким образом, вполне правомерно говорить о мировоззренческой функции науки, то есть о существенном вкладе науки в формирование индивидуального и общественного мировоззрения. Совершенно очевидно наличие у науки познавательной функции. Наличие этой функции вытекает из характера основной цели, стоящей перед наукой. Эта функция в свою очередь может быть рассмотрена дифференцированно. Я имею в виду то обстоятельство, что познавательная функция представляет собой единство функций описания, объяснения, понимания, прогнозирования и т. п. В тесной связи с мировоззренческой